

Оглавление

«Mon livre par excellence» (От переводчика)	7
Список сокращений	21
Предисловие	22
<i>Разделенный город: предварительная разметка</i>	
Глава I. Забвение в городе	26
Два города	27
Одно разделяется надвое	34
В точке пересечения — <i>stásis</i>	40
Арес внутри семьи	46
К истории одного памятного забвения	56
Глава II. Реполитизировать город	63
Глава III. Душа города	87
О том, что следует сделать со <i>stásis</i>	88
Трудное слово	94
Следы убийства	98
Перенос в форме аналогии	104
О городе-индивиде	108
Платонизировать?	114
<i>Под знаком Эриды и некоторых ее детей</i>	
Глава IV. Связь разделения	124
О самом крепком развязывании	125
О <i>mésos</i> и способах его оккупации	131
<i>Stásis</i> как <i>Gegensinn</i>	138
<i>Kykeōn</i> , движение и разделение	144
Подвешенный конфликт	147
Гармония Ареса	153
Греческие вопросы	159

Глава V. Клятва, дитя распри	163
Клятвопреступление в клятве	166
Речевой акт и его эффекты	173
<i>Araí</i> и Арес	178
Клятва в городе	183
Я не буду припоминать злосчастья	188
Глава VI. Об амнистии и ее противоположности	193
Два запрета на память в Афинах	195
Забыть незабвение	207
Мощь негативного, сила отрицания	217
Глава VII. О одном запрещенном дне в календаре Афин	226
Два текста, минус один день	228
Запретные дни	232
День, подвергшийся отрицанию	239
Акт изъятия	244

Политики примирения

Глава VIII. Политика братьев	259
Братья против <i>stásis</i> и <i>stásis</i> братьев	260
Что такое брат?	264
Имена брата	268
Город братьев	273
Родство под испытанием конфликта	276
Глава IX. Об одном примирении на Сицилии	283
Как выйти из <i>diaphorá</i>	284
О «братствах» в городе	291
Братья, третейские судьи	295
Глава X. О правосудии как разделении	301
Мятежное правосудие?	303
О процессе как борьбе	305
<i>Dikē</i> , третейский суд и примирение	314
<i>Stásis, dikē</i> : случай Флиунта	319
Глава XI. И афинская демократия забыла <i>krátos</i>	323
Одна амнистия в Афинах	324
Как получить прощение за победу	327
Когда <i>dēmokratía</i> утрачивает <i>krátos</i>	335
Память на службе у забвения	342
Благодарности	351
Указатель имен	352

Предисловие

Все началось с речи Клеокрита в «Эллиниках» Ксенофонта. Афинские демократы только что одержали верх над армией Тридцати. Несколько самых главных олигархов — Критий, Хармид, слушатели Сократа, которые станут у Платона эпонимами для диалогов, — в числе убитых, а большая часть войск «города» несомненно деморализована, ведь такое множество гоплитов побеждено разношерстным, кое-как вооруженным отрядом... Казалось бы, в упоении победой наставал час для реванша демократов, которым Фрасибул перед боем напоминал о «войне» Тридцати против них и о бесчинствах, жертвами которых они стали. И вдруг один афинянин, отмеченный мистической печатью Элевсина, выступил вперед из рядов демократов, чтобы спросить у армии своих противников-сограждан: вы, с кем мы делим город, почему вы нас убиваете? Сам вопрос — вопрос демократа, разумеется, ибо олигарху ответ был бы известен заранее, ведь он-то как раз знает, что противник является *врагом*, — был неуместным (или, наоборот, анахронически слишком хорошо известным), так же как и амнистия, которую он предвосхищал и посредством которой победители позднее воссоединятся со своими бывшими противниками, скрепив самой торжественной из клятв обязательство «не припоминать злосчастия» прошлого.

Итак, необходимо было понять, почему в один день 403 года до нашей эры Клеокрит Миротворец стал глашатаем победившей армии «демократов Пирея».

И началось долгое исследование того, чем для города является *stásis*, если воспользоваться этим греческим именем для того, что представляет собой одновременно приверженность партии, фракцию, мятеж и — скажем

на нашем все еще столь римском языке — гражданскую войну. Сохраняя изначальный проект — работа над которым с течением времени подчас сбавлялась, но никогда не забывалась, — рассмотреть на греческой почве *демократическую* специфику — в данном случае это значит афинскую — мысли о конфликте в ее связи (оппозиции или родства) с определением того, что такое политическое. В ходе чего выяснилось, что необходимо было принять и водворить конфликт в город, потому что в качестве принципа он всегда уже был там, под именем политики. И возможно даже, что еще больше, чем недавние «злосчастья», именно эту изначальную взаимосвязь греки — и не только они — стремятся забыть, провозглашая амнистию.

Но думали ли мы когда-нибудь, что найдем что-то другое?

Короче говоря, необходимо было начать. И исследование началось, на первых порах с энтузиазмом и следуя чему-то вроде программы — программы, относительно которой у меня есть чувство, что я с тех пор не прекращала ее перерабатывать. После чего, как вполне можно было ожидать, все значительно усложнилось. По-видимому, нельзя безнаказанно работать с конфликтом и тщетно надеяться, что, если мы затронем забвение, на котором основано политическое, не вернется что-то из вытесненного... В любом случае попытка сочленить разделенный город с миролюбивым *полисом* оказалась вовсе не таким уж безмятежным предприятием между историей и антропологией, как надеялось изначальное — разумеется, неосмотрительно — особенно когда обнаружилось, что невозможно избежать вопрошания, каким бы предварительным оно ни было, о той мыслящей и желающей инстанции, которой для грека является *полис*. Отсюда убежденность, что необходимо было на свой страх и риск бросить вызов тому, что я называю «запретом на субъекта», — этому наименьшему общему знаменателю, вокруг которого нечто вроде единого духа объединяет исследователей, расходящихся во всем остальном.

Об этой первичной разметке в разделенном городе, о выявившихся в ходе нее константах, но также и об отклонениях на пути вопрошания свидетельствуют ниже следующие тексты — написанные по предложению журналов или научных институтов и разделенные дистанцией почти в восемь лет.